

— Все принадлежащие мне фонды, антиквариат и ювелирные украшения завещаю моему второму сыну, Сун Шианю.

Адвокат перевернул страницу.

— Старое поместье семьи Сун, старое поместье семьи Гу, а также пятьдесят пять и три десятых процента акций корпорации Гу также переходят в собственность моего второго сына, Сун Шианя.

Если прочим сыновьям и дочерям покойного достались лишь золотые яйца, то Сун Шианю, можно сказать, перешла сама курица, способная их нести. А главное — он получил право жить в старом поместье семьи Гу, что в клане всегда считалось негласным символом верховной власти.

Стоило поверенному закончить чтение, как в зале поднялся невообразимый гвалт. Маски скорби слетели в один миг — притворяться больше никто не желал, и наружу хлынуло копившееся недовольство.

— Да это завешание фальшивое! — выкрикнул кто-то из толпы. — Господин Гу приходился мне двоюродным дедушкой, он просто не мог оставить нас ни с чем!

— Подумаешь, двоюродный внук выискался! Тут родным внукам шиш достался, а ты со своим родством лезешь.

— Кому-то везет же по жизни... Даже фамилию Гу не носит, а захапал все контрольные акции компании!

Две обделенные ветви семейства, в чей адрес летели эти язвительные шпильки, лишь угрюмо молчали.

Сун Чжиши с иронией наблюдал за этим представлением.

"Надо же, — подумал он, — детишки Гу Хуая в словесной перепалке один другого краше. У каждого в голове по сотне хитрых планов. И как у такого прямолинейного и честного человека выросли подобные лисы?"

"Эх, Гу Хуай, Гу Хуай... Сам-то ты ушел со спокойной душой, оставив после себя это змеиное гнездо".

Впрочем, его самого это больше не касалось. Племянник вышел из этой схватки победителем, и последняя нить, связывавшая Сун Чжиши с миром живых, наконец оборвалась.

Теперь его занимал лишь один вопрос: когда его собственная душа окончательно рассеется в пустоте?

Старик в темном халате-шэньи, оставшийся без гроша, окончательно потерял самообладание. Возразить Сун Шианю — новоиспеченному и теперь уже законному главе дома — он не смел, а потому решил выместить злость на остальных:

— Отец при жизни души не чаял во втором сыне, ладно уж, пусть тот забирает львиную долю! Но с какой стати все остальное отписали вам?! Почему наши две ветви не получили ни гроша? Вы точно поддели завещание!

Старший сын, Гу Ломин, смерил названного брата презрительным взглядом и усмехнулся:

— Пятый, твои бредни даже слушать смешно. Допустим, мы могли бы переписать завещание — хотя это бред. Но если бы я приложил к этому руку, неужели оставил бы себе всего три квартиры? К тому же ты носишь фамилию Хэ, а не Гу. С какой стати старику вообще делиться с тобой богатством?

— Гу Ломин! Ты всего лишь приемыш, цепной пес нашей семьи! Какое право ты имеешь так со мной разговаривать? Да, моя фамилия Хэ, но в гробу там лежит мой родной отец!..

— Ха! Да во всей стране прекрасно знают, что старик поднялся исключительно благодаря семье Сун. То, что активы вернулись к их наследнику, — высшая справедливость! А что до наследства... Он вырастил меня, помог создать семью, поднять детей. С меня и этого довольно.

— Братец, да не говори ты с ними! Пятую и шестую ветви просто бессовестно грабят среди бела дня! Нужно немедленно вызывать полицию и подавать в суд!..

В разгар этой перепалки, устроенной стариками, чей суммарный возраст перевалил за несколько веков, в палату вошли несколько молодых людей в строгой форме. Переговорив вполголоса с Сун Шианем, они без лишних слов защелкнули наручники на запястьях зачинщиков ссоры.

События разворачивались с головокружительной быстротой. Стоявшие у стены врачи и медсестры тут же опустили глаза, старательно изображая глухонемых свидетелей. Уж в этой больнице они насмотрелись на битвы за наследство богатых династий.

Сун Чжиши не ожидал, что перед уходом ему доведется посмотреть такой захватывающий спектакль.

Если прежде он еще капельку завидовал Гу Хуаю, который прожил долгий век, окруженный многочисленным потомством, и тихо угас в старости, то теперь от этой зависти не осталось и следа. Лишь легкая грусть и сожаление.

Неторопливо скользя сквозь стены и коридоры, Сун Чжиши покинул больничное здание и замер у газетного киоска во дворе. На одной из полок его взгляд зацепился за обложку книги: «Автобиография угольного короля Гу Хуая: Моя молодость, моя семья».

«Всеми миру известно, что за свою долгую жизнь угольный магнат Гу Хуай познал немало женщин, оставивших ему четырех сыновей и двух дочерей от разных матерей. Однако мало кто знает, что еще в начале семидесятых годов у него был законный супруг по фамилии Сун, чья история, к сожалению, не сохранила. Именно этот юноша оказал неоценимую поддержку Гу Хуаю на заре его восхождения к богатству...»

«В марте 1976 года их брак, продлившийся три года, распался. В присутствии партийного руководства, родных и близких супруги официально расторгли союз и пошли каждый своей дорогой. Увы, на обратном пути в столицу провинции Шэньси молодой человек попал в автокатастрофу и трагически погиб...»

Сун Чжиши наткнулся на эту биографическую повесть, написанную якобы со слов самого Гу Хуая, уже после собственной кончины. Поначалу его до глубины души поразило то, как его короткая, но полная потрясений и крутых поворотов жизнь уместилась в несколько сухих печатных строк.

В этой истории ему была отведена вовсе не главная роль — он оказался лишь безвременно ушедшим, несчастным эпизодическим персонажем.

А главным героем романа был тот самый покойный старик из больничной палаты, его бывший муж — Гу Хуай.

Корни Сун Чжиши уходили на цветущий юг, в Цзяннань. Поколения его предков верой и правдой служили в Ткацком управлении Цзяньнина. Позже, когда покровительствовавший им благородный клан пришел в упадок, беда коснулась и семьи Сун. Собрав уцелевшие сбережения, они были вынуждены оставить родные гнезда и бежать на суровый север, в провинцию Шэньси.

Они надеялись обрести там покой, но спокойные времена длились недолго. Спустя несколько десятилетий империю захлестнула смута, усугубленная вторжением иноземцев. В тщетных попытках удержать трон реформаторы из числа императорской знати начали активно продвигать политику спасения родины через развитие национальной промышленности. В ту пору среди Сунов нашлось несколько толковых, предприимчивых умов: они уехали учиться за границу, а вернувшись, закупили на семейные средства передовые станки и возродили семейное ремесло, открыв собственную ткацкую фабрику.

В эпоху своего наивысшего расцвета Текстильная фабрика Сун разрослась до трех крупных филиалов, где трудились тысячи мастериц. Их тончайшие шелка и хлопок шли на экспорт в страны Южных морей, а сами Суны по праву прослыли богатейшими людьми во всей провинции.

В годы войны против японских захватчиков дед Чжиши, старейшина Сун Цинжун, ставший тогда во главе рода, бросил все силы фабрики на поддержку фронта. Он наводнил рынок отечественными тканями, чтобы противостоять дешевому импорту, подрывавшему экономику. Под грохот снарядов фабрику не раз приходилось эвакуировать, разбирать станки и перевозить с места на место, терпя огромные убытки.

Дед Чжиши отдал лучшие годы служению стране и народу. У него был единственный сын — отец Чжиши, однако тот погиб в бою еще до того, как его ребенок успел увидеть свет. Сун Чжиши родился уже после его гибели, став посмертным сыном.

Помимо него в семье подрастали две девочки — старшая сестра Сун Чжиин и вторая сестра Сун Чжиин. Появление на свет долгожданного мальчика, наследника фамилии, вызвало у старейшины Суна неопишуемый восторг. В честь рождения внука он устроил грандиозный пир на десятки столов, зазвав к себе партийных лидеров, генералов и местную интеллигенцию. Именно этот триумф, столь широко отпразднованный, в будущем сослужил семье злую службу и стал предвестником грядущей катастрофы.

После провозглашения Китайской Народной Республики фабрика была национализирована, превратившись в государственное предприятие. С этого момента славная история частной империи Сунов подошла к концу.

Когда же грянули политические кампании, тучи над ними сгустились окончательно. Часть старших членов семьи спешно бежала за границу, другие оказались за решеткой. Лишь благодаря дальновидности старого дедушки младшее поколение, включая Чжиши, удалось спасти от худшей участи.

Старшую сестру, Сун Чжиин, спешно выдали замуж за простого столичного рабочего, а вторую, Сун Чжиин, сослали в глухую деревню под управлением города Хэло в провинции Шэньси. Туда же, в Хэло, принудительно отправили и самого Чжиши.

Хэло считался самым нищим и заброшенным уголком провинции. Несмотря на близость к бассейну Хуанхэ, эти земли вечно страдали от засухи. До самого горизонта здесь тянулись лишь унылые, изрезанные оврагами желтые кручи лессового плато да чернели зёвы пещерных домов-полужемлянок, в которых люди веками ютились, перебиваясь скудными урожаями.

Лишь недавно, когда в Хэло обнаружили колоссальные запасы каменного угля, край начал понемногу оживать. И все же для молодого господина Суна, выросшего в холе и неге шумного, благоустроенного провинциального центра, эти дикие места казались сущим адом.

Но бытовая неустроенность была лишь малой частью беды. Куда больше Сун Чжиши ранило то, что в эту глушь его привезли, по сути, на правах бесправной «невесты».

В древности эти земли звались Лоань. Город знавал времена небывалого величия и взрастил немало знатных родов. Ходили легенды, будто один из здешних удельных князей, приходившийся родным братом императору династии Хань, питал непреодолимую страсть к

мужской красоте и своим высочайшим указом дозволил мужчинам сочетаться браком. С тех пор в Лоани укоренился обычай брачных союзов мужчин, который просуществовал больше тысячи лет.

С веками, сквозь бури и смуты, простые крестьяне смекнули, что такой союз весьма выгоден: за мужчину не нужно платить разорительный выкуп или собирать богатое приданое. К тому же в условиях вечной нехватки рабочих рук двое названных братьев по союзу, объединив усилия, справлялись с тяжелым крестьянским трудом куда быстрее. А если хотелось детей — сирот, оставшихся без крова, в округе всегда хватало.

После образования КНР и принятия нового Закона о браке древний обычай оказался под строгим запретом как пережиток прошлого, мешающий к тому же росту населения. Однако в глухих деревнях его продолжали тайно соблюдать. Юридической силы такие союзы не имели, и любой из названных братьев мог в любой момент разорвать соглашение и завести обычную семью, поэтому искоренить традицию до конца так и не удалось.

Именно под этим предлогом старейшина Сун поспешно «упаковал» внука и отправил его в Хэло, переписав его прописку в местный реестр и сделав его названным братом по союзу Гу Хуая.

Между ними не было ни взаимной привязанности, ни капли тепла. Их совместная жизнь оказалась безрадостной тяготой. Как и предрекала книга, спустя три года их вымученный союз окончательно распался.

Получив свободу, Сун Чжиши в одиночку отправился обратно в провинциальную столицу. Он и подумать не мог, что дорога домой станет для него дорогой в могилу.

На этом земное существование Сун Чжиши должно было оборваться навсегда, но судьба распорядилась иначе. Его душа не ушла на перерождение, а осталась блуждать среди живых бесплотным призраком.

Первое время такое призрачное состояние даже забавляло его. Силы бесплотного духа были еще слишком слабы, далеко улететь он не мог, а потому изо дня в день кружил подле Гу Хуая. Он безучастно наблюдал, как тот спускается в шахту, проводит собрания, стирает белье, готовит нехитрую еду и отходит ко сну.

Увы, этот странный, но спокойный период его посмертия продлился недолго.